

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

THE ARTISTIC DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-122-133

EDN: DACKHY

Научная статья / Research Article

Художественная вселенная Чингиза Айтматова: от билингвизма к транскультуре

А.И. Смирнова

Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4

✉ alfia-smirnova@yandex.ru

Книга — как храм, как
мироздание, как Вселенная.

Ч.Т. Айтматов

Аннотация. Анализируется проза Ч.Т. Айтматова, созданная на русском языке, начиная с повестей «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря» и заканчивая его романном «эпосом», раскрывается художественная эволюция писателя: от билингвизма к транскультуре. Этноонтологический анализ повестей и романов «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры», «Когда падают горы (Вечная невеста)» позволил выявить динамику творческого развития автора, охарактеризовать этот процесс как «расширяющуюся художественную Вселенную» автора: от этнической картины мира к созданию мифопоэтической модели бытия в повестях, переход к жанру романа как «универсальной концепции Бытия и человека» и начало нового творческого этапа, отмеченного космоизмом мышления писателя и обращением к фантастике, интересом к разным национальным культурам, усиливающимся трагизмом мировосприятия, «синтегизмом» жанровой формы, новыми координатами в построении модели мира (Восток — Запад, Земля — Космос, архаическое время — современность), формированием пространства транскультурного полилога (включение Библейского и мирового литературного *интертекста*).

© Смирнова А.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Айтматов, художественная Вселенная, миф, повесть, роман, жанр, модель мира, билингвизм, транскультура

История статьи: поступила в редакцию 10.12.2023; принята к печати 29.01.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Смирнова А.И. Художественная вселенная Чингиза Айтматова: от билингвизма к транскультуре // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 122–133. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-122-133>

The Artistic Universe of Chingiz Aytmatov: From Bilinguality to Transculture

Alfiya I. Smirnova

Moscow City Pedagogical University,
4 2nd Selsokhozyaystvenny Proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

✉ alfia-smirnova@yandex.ru

Abstract. The study analyzes the prose of Ch.T. Aitmatov, created in Russian, starting with the stories “Farewell, Gyulsary!”, “The White Steamer”, “The Piebald Dog Running by the Edge of the Sea” and ending with his “epic” novel, reveals the artistic evolution of the writer: from bilingualism to transculture. The ethno-ontological analysis of the stories and novels “And the Day Lasts Longer than a Century”, “The Scaffold”, “Cassandra’s Brand”, “When the Mountains Fall (Eternal Bride)” made it possible to identify the dynamics of the author’s creative development, to characterize this process as the “expanding artistic Universe” of the author: from ethnic picture of the world to the creation of a mythopoetic model of existence in stories, the transition to the genre of the novel as a “universal concept of Being and man” and the beginning of a new creative stage, marked by the cosmism of the writer’s thinking and an appeal to fantasy, interest in different national cultures, the increasing tragedy of the worldview, “synthetism” genre form, new coordinates in constructing a world model (East — West, Earth — Space, archaic time — modernity), the formation of a transcultural polylogue space (inclusion of Biblical and world literary intertext).

Key words: Aitmatov, artistic Universe, myth, story, novel, genre, model of the world, bilingualism, transculture

Article history: received 10.12.2023; accepted 29.01.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Smirnova, A.I. 2024. “The artistic Universe of Chingiz Aytmatov: From bilinguality to transculture.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 122–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-122-133>

Введение

Ретроспективно обозревая творческий путь Айтматова, мы приходим к пониманию того, что понятие *Вселенная* концептуально значимо для писателя и маркирует картину мира в его романах, оказывается наиболее точным

для обозначения масштабов постижения мира современным художником на пороге нового столетия и тысячелетия, что становится предметом его постоянных размышлений о призвании творца. Так, ещё в заметке «Ответь себе» 1967 года читаем: «Каждый из нас являет частицу человечества. Писатель тем более: в нем сходятся параллели и меридианы Вселенной, перекрещиваются века, концентрируется связь времён. Художника формирует ритм и температура эпохи, глобальная ответственность за разумность человеческого бытия» [1. С. 105]. Спустя почти сорок лет герой последнего романа Айтматова Арсен Саманчин произносит монолог: «Слово выпасает Бога на небесах. Слово доит молоко Вселенной и кормит нас тем молоком из рода в род, из века в век. И потому вне Слова, за пределами Слова нет ни Бога, ни Вселенной, и нет в мире силы, превосходящей силу Слова, и нет в мире пламени, превосходящего жаром пламя и мощь Слова» [2. С. 123]. Обратим внимание, что роман «Тавро Кассандры», появившийся за двенадцать лет до «Когда падают горы (Вечная невеста)», начинался так: «И на сей раз — в начале было Слово. Как когда-то. Как в том бессмертном Сюжете» [3. С. 5]. В этом контексте и эпиграф к первому роману, «И дольше века длится день», цитата из Григора Нарекаци: «И книга эта — вместо тела, / И слово это — вместо души моей...», — прочитывается в соответствии с масштабным замыслом писателя и новым уровнем художественного мышления, реализовавшимся в его романах.

Планетарный масштаб событий и измерение времени в контексте Вечности, заложенные в романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» (2006), позволили Г.Д. Гачеву выделить в произведении «два уровня, предлагаемые для обитания человеку: Бытие и Жизнь... Выси снежные, где Земля переходит в Небо, в Дух и там — во Вселенную, Вечность, Целое» [4. С. 10]. Так, понятие *Вселенная* утверждается ученым в научном обиходе современного айтматоведения и выражает меру постижения мира и человека в литературном творчестве писателя, мыслителя, творца.

А. Акматалиев в статье «Вселенная, человек, Жаабарс» оценивает этот роман в единстве художественных открытий и философского мировосприятия автора: «Система образов в произведениях Айтматова неуклонно сближается с системой философского мышления, в конце концов демонстрируя неразделимое единство Вселенной и Человека» [5. С. 8]. В 2012 году в Бишкеке в издательстве «Манас» был издан «сборник изречений, сентенций-размышлений» под названием «Вселенная Чингиза Айтматова», открывавшийся словом «От составителя», в котором Замира Дербишева научно обосновала его название: «Ключевые концептуальные категории формируют целостную систему миропонимания и мироощущения писателя, организуя тем самым Ментальную Вселенную Чингиза Айтматова» [6. С. 4].

Сделав выбор в творчестве в пользу русского языка как языка межнационального общения в СССР, писатель размышляет о значении и роли

билингвизма в культуре XX века: «Билингвизм стыкует разные языки и, стало быть, разные мироощущения, а это, как всякое явление на стыке науки и культур, — создает *новый уровень сознания...* (курсив наш. — А.С.)» [7. С. 184]. Эта мысль получает развитие в трудах современных ученых. Так, Улданай Максutowна Бахтикереева отмечает: «В интенсивных взаимодействиях и взаимовлияниях народов, языков и культур создаётся и развивается новое состояние человечества, новая логика и процесс смыслообразования» [8. С. 76]. «Создавая тексты на русском языке, Айтматов постоянно обращается к родной языковой стихии. Автор широко использует тюркоязычную ономастику — антропонимы, зоонимы, топонимы, гидронимы. Вкрапленные в русскоязычный текст онимы как кумулятивные знаки, содержащие духовную и материальную информацию, формируют этнокультурное пространство художественного текста» [9. С. 58].

Цель анализа русскоязычной прозы Айтматова — выделить и описать координаты построения модели мира в его произведениях, определить характерные признаки обновления эстетической системы писателя, свидетельствующие о внутренних динамических процессах, включая и вектор движения — от билингвизма к транскультуре.

Материалы и методы исследования. Анализируются произведения писателя-билингва, созданные на русском языке: повести «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря», романы «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры (Из ересей XX века)», «Когда падают горы (Вечная невеста)».

Наряду с герменевтическим и этноонтологическим подходами используются методы сравнительного и интертекстуального анализа художественного текста. Понятие *этноонтология*, по словам З.А. Кучуковой, «несет в себе этнически маркированный комплекс мыслительных координат, воплощенных в системе национальной поэтики» [10. С. 11].

Основные результаты

Повести Айтматова: динамическая поэтика и миф

Проза писателя уже в конце 1950-х гг. уверенно заявила о себе и в переводах на русский язык вошла в орбиту внимания всесоюзного читателя. Переход автора на русский язык происходит в середине 1960-х гг., начиная с повести «Прощай, Гульсары!» (Новый мир, 1966, № 3). Для творческой эволюции писателя-билингва это был важный шаг на пути расширения художественного сознания и освоения новых эстетических пространств. В целостной национальной картине мира с реалистически воссозданными образами «старого человека» Танабая и «старого иноходца» Гульсары, соединенных общей Судьбой и многовековой «сращенностью» (по Г.Д. Гачеву, «Челове-

ко-Конь, кентавр Гультан») [11. С. 280], наряду с мифологической традицией прочитывалась и литературная традиция, идущая от русской классики (повесть «Холстомер» Л.Н. Толстого). В изображении иноходца проявилась новая в творчестве Айтматова интенция — психологизация образа животного.

Билингвизм автора, органичное сочетание русского литературного языка с тюркоязычной лексикой, создавало уникальный эстетический эффект, расширяющий художественное пространство текста включением лексем, как усвоенных русским языком (юрта, табун, камча, мажар, аксакал и др.), так и иноязычных слов (Гульсары, укрук, аламан-байга, дулдул, арбаки, тебетей, темир-комуз, кул и др.), смысл которых прояснялся благодаря переводу на русский язык, оформленному в виде метатекстовых сносок, что способствовало созданию этнического колорита и особой поэтической интонации. Этот принцип метатекста используется Айтматовым и в романах.

В повествовании как «текст в тексте» представлена «Песня старого охотника»: народный плач, где отец оплакивает кончину сына: «Убил я тебя, сын мой Карагул. Один остался я на свете, сын мой Карагул...» [12. С. 503].

Включение в текст этой древней киргизской песни стало, по словам писателя, мифопоэтическим «приёмом». В ней заложена трагическая интонация и задан бытийный план повествования. По словам Айтматова, миф может выполнять в произведении разные идейно-художественные функции. «В одном случае — это прием. В „Прощай, Гульсары!“ песня охотника — прием, передающий трагическое в жизни героя, состояние глубоких душевных потрясений. В „Белом пароходе“ — это уже концепция, основной пласт повести» [13. С. 327].

Мифы о тотемических предках по-своему преломляются в прозе Айтматова, в повестях о матери-оленихе, зачинательнице рода бугинцев («Белый пароход»), и Рыбе-женщине, от которой пошел род нивхов («Пегий пес, бегущий краем моря»). Основу художественной концепции повести «Белый пароход» (1970) составили выбор героев — архетипических образов «деда и внука», «старого и малого», тотемический миф о Рогатой матери-оленихе. Старик Момун хранит память о ней как родовую заповедь, воспринимает её как *священное животное, животное-тотем*. «Дед говорит, — по словам мальчика, — что каждый, кто живет на Иссык-Куле, должен знать эту сказку. А не знать — грех» [14. С. 34]. Если для остальных — это сказка, выдумка, то для деда и внука — правда: «Так было», — утверждает дед. «Для мифического сознания как такового миф вовсе не есть ни сказочное бытие, ни даже просто трансцендентное», а «наиболее яркая и самая подлинная действительность» [15. С. 73].

Тотемический миф заключает в себе объяснение нынешних бед бугинцев, забывших о своем происхождении и указывает пути спасения, которыми человек — по Ч. Айтматову — уже не способен воспользоваться. Именно поэтому и погибает мальчик. В «уходе» мальчика, в его вере в превращение

в рыбу кроется мифологический мотив спасения. Следуя логике мифа, так оно и происходит. Мальчик заменяет утраченную сказку своей — сказкой о белом пароходе и плывущем к нему рыбе-мальчике. Он навсегда уходит в свой мир, в котором Рогатая мать-олениха — истинная мать и спасительница (в вере в нее сказывается и тоска мальчика по матери, которой он не знает); мир, где есть не только настоящее, но и прошлое (белый пароход — это связь с отцом, и, соответственно, с «*обязательным коленом семерых отцов*», имена которых знает мальчик, в чем проявляются отголоски культа предков), и будущее. Понятие *рода* является ключевым в произведении и включает в себе кодовый смысл. В повести приходят столкновение миф и действительность, в результате чего рождается подлинная трагедия, отсюда и первоначальное название, ставшее подзаголовком, — «После сказки».

В следующей повести, «Пегий пес, бегущий краем моря» (1977), Айтматов осваивает иной этнический материал — *нивхский*, не случайно посвятив её писателю Владимиру Санги, подсказавшему автору замысел произведения. Процесс утраты *родовой* памяти, *родовых* святынь и заповедей, еще в близком историческом времени живых и необходимых, побудил Ч. Айтматова обратиться к мифу, дать его в трансформированном виде — с учетом творческих задач — ради поучения и предостережения. Подчиненность сюжета повести мифу и ориентация на него выразились не только в мифологизированном мышлении героев, в образной системе и художественной концепции произведения, но и в его структуре. Идея взаимосвязи поколений, от предков в прошлом до потомков в будущем, помогает в мифе реализоваться двуединой связи *диахронии* и *синхронии*, что является характерной чертой *мифопоэтической модели мира*. В создаваемой писателем модели мира эта идея является основной. Мальчик Кириск, отправившийся со взрослыми в первое свое плавание на родовом каяке, прочно связан со своим *родом*: через отца, аткычха Органа с Рыбой-женщиной. Миф не только определил концепцию и модель мира в произведении (*миф о сотворении мира уткой Лувр, миф о происхождении нивхов от Рыбы-женщины*), но и заложил масштаб событий и шкалу ценностей, подготовил в творчестве Айтматова переход к новой форме литературного бытия — жанру романа.

Романы Айтматова как «универсальная концепция Бытия и человека»

С появлением первых двух романов — «И дольше века длится день» (1980), «Плаха» (1986) — исследователи обратили внимание на то, что они «представляют собой качественно новый этап в творческой эволюции писателя, *образцы планетарного мышления*. Романы воспринимаются как своеобразная диалогия на тему об уязвимости жизни на земле» [16. С. 81]. Их

объединяет с последующими произведениями — «Тавро Кассандры» (1994) и «Когда падают горы (Вечная невеста)» (2006) — особое ощущение времени, космический масштаб событий, «новое мышление» автора.

Онтологическое измерение основ жизни человека

В слове «От автора», предворяющем первое издание романа «И дольше века длится день», Айтматов комментирует свой замысел: «Только разрядка международной напряженности может считаться прогрессивной политикой сегодня... Если человечество не научится жить в мире, оно погибнет. Атмосфера недоверия, настороженности, конфронтации есть одна из самых опасных угроз спокойной и счастливой жизни человечества» [17. С. 197]. Вопросы жизни и смерти, прошлого — настоящего — будущего, человека и мироздания, «живой» природы и технического прогресса, добра и зла, противостояния и объединения людей — в центре произведения.

Главный герой романа, Едигей Жангельдин, возвышающийся на двухгорбом великане (до головы верблюда Каранара «рукой не дотянешься»), имеет свой кругозор, своё миропонимание, у него — своя шкала нравственных ценностей. Не суетно и не сиюминутно воспринимает Едигей всё происходящее вокруг и соотносит это с тем опытом, которым генетически наделены они с Каранаром: животное для кочевника «есть продолжение его существа» [18. С. 62]. Одной из ключевых в романе является проблема «своего» ума и «чужого», «заёмного», реализующаяся в судьбе Едигея, «человека трудолюбивой души», в истории с арестом учителя Абуталипа, в легенде о манкурте, в сюжете с паритет-космонавтами.

В следующем романе, «Плаха», наряду с проблемой взаимоотношений человека и природы ставятся субстанциальные вопросы добра и зла, свободы и необходимости, бытия человечества и планеты. В нем речь идет о «трагической необходимости в познании добра и зла». Движущей пружиной в сюжетостроении произведения становится это «познание», реализующееся в обращении к двум *мифопоэтическим символам*, позволяющим раскрыть катастрофичность современного бытия: образу волчицы Акбары — «великой матери всего сущего» [19. С. 112] — и образу Иисуса Христа. *Природа* и *Духовность* — это те критерии нравственности человека, которыми писатель меряет его. Главный вопрос в романе «Плаха»: «Что такое жизнь?» В последующих главах через призму моюнкумской трагедии осмысливается эта жизнь, предстающая как цепь трагедий, происходящих по вине человека. Расплачиваются за эту вину — невинные: Авдий Каллистратов, распятый на саксауле; напарник Бостона Эрназар, сорвавшийся с горы в пропасть и оставшийся там навеки стоящим на коленях, словно отмаливая чьи-то грехи; маленький Кенджеш, сын Бостона, своя «плаха» и у Бостона.

Г.Д. Гачев обратил внимание на то, что «Авдий и Бостон — два возможных варианта человеческого поведения, которые можно обозначить как: Свобода или Судьба? Бостон вплетен в роковое стечение обстоятельств и исполнил их волю...» [20. С. 86]. Его трагедия состоит в том, что ему, как и гонимой волчьей паре, нет жизни. Авдий, стремящийся познать истину, которую нёс с собой Учитель, верит в то, что «изначальные законы мира действуют всегда, хоть и обнаруживают себя гораздо позже. Так и с идеей Страшного суда давно уже ум человеческий терзала идея грядущего возмездия за все несправедливости, что творились на земле» [Там же. С. 59–60]. В видении Иисуса Назарянина разрешается эта идея. В свете этих пророчеств описанная автором «Плахи» трагедия приобретает вселенские масштабы.

Модель мира и жанр

Впервые в своей писательской практике Айтматов прибегает к *фантастике*, включая в ткань повествования в романах «И дольше века длится день» и «Тавро Кассандры» «космологические истории». Это позволило ему обрести *новую оптику*: не только взгляд, устремленный в небо к звёздам и Луне, но и на Землю из Космоса. По словам Айтматова, «фантастическое — это метафора жизни, позволяющая увидеть ее под новым, неожиданным углом зрения».

В произведениях реализуется *прогностическое начало*. Тревога автора за будущее в «И дольше века длится день» выражается в системе сквозных мотивов, семантике и функции повторяющегося в тексте рефрена, графически и стилистически выделенного, в сюжетостроении, что определило жанровую специфику: *роман-предупреждение, роман-притча*. В статье «Притча о мире: О романе Чингиза Айтматова „Плаха“» Г.Д. Гачев одним из первых обратил внимание на присущую произведениям писателя *новизну жанра*. В «синтетизме» структуры «Плахи» философ увидел достоинство произведения: это «не только роман по жанру, а синкретическая Книга: тут и мистерия, и философский диалог, и животный эпос...» [Там же. С. 88–89]. *Синкретизм романной формы* проявляется на структурном уровне повествования, всякий раз представая по-новому, будь то роман-трагедия «Плаха», в которой некоторые исследователи увидели «круговое симфоническое построение» (С. Пискунова, В. Пискунов), или роман «Тавро Кассандры» с подзаголовком «Из ересей XX века».

Романный *хронотоп* в прозе писателя расширяется — по вертикали и горизонтали. Национальное пространство первых двух романов (Буранный полустанок и планета Лесная грудь, Сары Озеки — Серединные земли желтых степей, моюнкумская саванна и Иссык-куль) сменяется на космическое в романе «Тавро Кассандры» и охватывает весь земной шар (Америка,

Москва, Сицилия, Афганистан, Берлин, Варшава, Монреаль, Рио-де-Жанейро). Событийное время в них уплотняется до одних суток, трех дней, которые проецируются на циклическое время мифа и события доисторические или тысячелетней давности.

Структура повестей и романов Айтматова свидетельствует об особом внимании автора к архитектонике, композиции произведения, целостности и стройности формы, вызванном включением в текст преданий, легенд, сказок, мифов, молитв, баллад, метатекстовых фрагментов. Романную прозу писателя отличает взаимодействие разных голосов и этносов, мотивов, разновременных пластов и локусов, смешение жанрово-стилевых форм.

Заключение

В романах Ч.Т. Айтматова сохраняется смысловая связь с повестями, в которых ключевой категорией выступает священное для этнической самоидентификации человека понятие *рода*: в «И дольше века длится день» легенда о манкурте заключает в себе поучительный смысл, выраженный в словах матери, обращенных к сыну-манкурту: «Твой отец Доненбай!». Насильственно лишенный памяти о предках, о родной земле, человек утрачивает идентичность, превращается в «чучело человека». Концепт рода важен и в контексте драматической истории жизни учителя Абуталипа, и в связи с трагической участью волков Акбары и Ташчайнара, которым не дано продлить свой род в романе «Плаха». И закономерным выглядит фантастический сюжет романа «Тавро Кассандры» об ученом-генетике, посвятившем свою жизнь выведению искусственных людей, «иксродов».

В романистике автора расширяется *этнокультурное пространство* (народный эпос «Манас», мифы, предания и легенды: о манкурте, о верблюдице Акмае — прародительнице Каранара, о родовом кладбище Ана-Бейит, о певце Раймалы-ага, о «Белом облаке Чингизхана», о Вечной невесте; грузинская баллада «Шестеро и седьмой» вплетается в повествование о событиях конца XX века, как и «молитва современной монахини», целый ряд «молений» и др.); реализуется Библейский и литературный *интертекст* (Шекспир, Григор Нарекаци, парафраз евангельского предания, упоминание Третьей Книги Царств Ветхого Завета, эпитафия из Екклесиаста и «Из древнегреческой мифологии» и др.). Творчество Айтматова отмечено интересом к разным национальным культурам, благодаря чему в его текстах формируется пространство *транскультурного полилога*.

Нарастающий *трагизм мировосприятия* писателя отличает его романистику, пронизывая разные уровни повествования. Представление о круговращении времени в «Плахе» вбирает в себя и осознание того, что «всему свое время», осмысление начала и конца, и уже в этом заложен определенный трагизм мировосприятия автора. Через понимание этого он проводит

своих героев — Авдия и Бостона. В последующих романах трагическое приобретает вселенские масштабы, предопределяя конец жизни футуролога Роберта Борка и самопровозглашенного космического монаха Филофея (Андрея Крыльцова), который проходит путь от «Мефистофеля биологической науки» до человека, готового отдать всё ради блага других («Тавро Кассандры»); писателя Арсена Саманчина и снежного барса Жаабарса («Когда падают горы (Вечная невеста)»).

На материале русскоязычной прозы — от текста к тексту — прослеживается *расширение художественной Вселенной* Айтматова: от этнической картины мира к созданию мифопоэтической модели бытия в повестях, переход к жанру романа как «универсальной концепции Бытия и человека»; планетарное мышление, космический масштаб событий: не случайно Едигей ощущает нерасторжимую близость с окружающими его людьми, собравшись в его доме как «одна семья». А образ Земли наполняется в контексте романа символическим смыслом: «наш дом», *общий*.

Космизм мышления Айтматова стал закономерным итогом его творческой эволюции, при этноонтологическом характере прозы писателя и транскультурном контексте романистики общечеловеческий и гуманистический пафос составил центр его мироздания. По справедливому утверждению авторов статьи «Познание самих себя через познание культуры своего этноса», «подчинение языку более витальному в конкретном государственном устройстве, в том числе федеративном — исторически обусловленная жизненная необходимость, по крайней мере, до гипотетической возможности обретения „своим“ лингвистического императива на уровне мирового языка» [21. С. 230].

Список литературы

1. *Айтматов Ч.Т.* Ответь себе // Айтматов Ч.Т. В соавторстве с землей и водой...: очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е изд. Фрунзе: Кыргызстан, 1979. С. 102–107.
2. *Айтматов Ч.Т.* Когда падают горы (Вечная невеста): роман, повесть новелла. СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2006.
3. *Айтматов Ч.Т.* Тавро Кассандры: избранные произведения. М.: ЭКСМО, 1995.
4. *Гачев Г.Д.* О том, как жить и как умирать // Айтматов Ч.Т. Когда падают горы (Вечная невеста): роман, повесть новелла. СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2006. С. 5–16.
5. *Акматалиев А.* Вселенная, человек, Жаабарс // Адабият жана искусство маселелери. Вопросы литературы и искусства. 2009. № 1 (6). С. 6–23.
6. Вселенная Чингиза Айтматова / сост. З.К. Дербишева. Бишкек: КТУ «Манас», 2012.
7. *Айтматов Ч.Т.* Языковой космос // В соавторстве с землей и водой...: очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е изд. Фрунзе: Кыргызстан, 1979. С. 181–185.
8. *Бахтикиреева У.М.* О транслингвизме и транскulturации через призму одной биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 76–81.
9. *Смирнова А.И.* Феномен Ч.Т. Айтматова: к 90-летию со дня рождения писателя // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 52–62. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-52-62>

10. Кучукова З.А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005.
11. Гачев Г.Д. Чингиз Айтматов и мировая литература. Фрунзе: Кыргызстан, 1982.
12. Айтматов Ч.Т. Прощай, Гульсары! // Собрание сочинений: в 3 т. Повести. М.: Молодая гвардия, 1982. Т. 1. С. 373–512.
13. Айтматов Ч.Т. Точка присоединения // В соавторстве с землей и водой...: очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е изд. Фрунзе: Кыргызстан, 1979. С. 317–339.
14. Айтматов Ч.Т. Белый пароход (После сказки) // Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Повести, роман. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 6–114.
15. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1930.
16. Мыреева А.Н. Многонациональный роман 1960–1980-х годов: Типологические аспекты. Новосибирск: Сиб. предприятие РАН, 1997.
17. Айтматов Ч.Т. И дольше века длится день (Буранный полустанок) // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Повести, роман. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 195–489.
18. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
19. Айтматов Ч.Т. Плаха: Роман. М.: Молодая гвардия, 1987.
20. Гачев Г.Д. Притча о мире: О романе Чингиза Айтматова «Плаха» // Даугава. 1987. № 3. С. 86–89.
21. Бахтикиреева У.М., Шагимгереева Б.Е., Амалбекова М.Б. Познание самих себя через познание культуры своего этноса // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 226–236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>

References

1. Aitmatov, Ch.T. 1979. Answer yourself. Aitmatov Ch.T. In co-authorship with earth and water...: Essays, articles, conversations, interviews. 2nd ed. Frunze: Kyrgyzstan, pp. 102–107.
2. Aitmatov, Ch.T. 2006. When the mountains fall (The Eternal Bride). Novel, novella novella. St. Petersburg: Ed. House “ABC classics”.
3. Aitmatov, Ch.T. 1995. Brand Cassandra. Selected works. Moscow: EKSMO publ.
4. Gachev, G.D. 2006. On how to live and how to die. Aitmatov Ch.T. When the mountains fall (The Eternal Bride). Novel, novella novella. St. Petersburg: Ed. House “ABC classics”, pp. 5–16.
5. Akmataliev, A. 2009. The universe, man, Jaabars. Adabiyat zhana the art of maseleleri. In the field of literature and art. Bishkek, no. 1 (6), pp. 6–23.
6. The universe of Chingiz Aitmatov. 2012. Comp. Z.K. Derbishev. Bishkek: KTU “Manas”.
7. Aitmatov, Ch.T. 1979. Language space. In collaboration with earth and water... Essays, articles, conversations, interviews. 2nd ed. Frunze: Kyrgyzstan, pp. 181–185.
8. Bakhtikireeva, U.M. 2016. On translanguaging and transculturation through the prism of one biography. Social and Humanitarian Sciences in the Far East, no. 2 (50), pp. 76–81.
9. Smirnova, A.I. 2019. The phenomenon of Ch.T. Aitmatov: to the 90th anniversary of the birth of the writer. Poly-linguality and transcultural practices, vol. 16, no. 1, pp. 52–62. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-52-62>
10. Kuchkova, Z.A. 2005. The ontological metacode as the core of ethnopoetics: (Karachay-Balkarian mentality in the mirror of poetry). Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov.
11. Gachev, G.D. 1982. Chingiz Aitmatov and world literature. Frunze: Kyrgyzstan.
12. Aitmatov, Ch.T. 1982. Goodbye, Gyulsary! Aitmatov Ch.T. Collected works: In 3 volumes. Vol. 1. Novellas. Moscow: Molodaya gvardiya, pp. 373–512.
13. Aitmatov, Ch.T. 1979. Point of attachment. In collaboration with earth and water... Essays, articles, conversations, interviews. 2nd ed. Frunze: Kyrgyzstan, pp. 317–339.

14. Aitmatov, Ch.T. 1983. The White Steamship (After the fairy tale). Aitmatov Ch.T. Collected works: In 3 volumes. Vol. 2. Novellas, novel. Moscow: Molodaya Gvardiya, pp. 6–114.
15. Losev, A.F. 1930. Dialectics of myth. Moscow.
16. Myreeva, A.N. 1997. Multinational novel of the 1960s–1980s: Typological aspects. Novosibirsk: Sib. enterprise of the Russian Academy of Sciences.
17. Aitmatov, Ch.T. 1983. And a day lasts longer than a century (Buranny station). Aitmatov Ch.T. Collection of works: In 3 volumes, vol. 2. Novellas, novel. Moscow: Molodaya Gvardiya publ., pp. 195–489.
18. Gachev, G.D. 1988. National images of the world. Moscow: Soviet writer.
19. Aitmatov, Ch.T. 1987. Block: Novel. Moscow: Young Guard.
20. Gachev, G.D. 1987. The Parable of the World: About Chingiz Aitmatov’s novel “The Block”. Daugava, no. 3, pp. 86–89.
21. Bakhtikireeva, U.M., Shagimgerreyeva, B.E., and M.B. Amalbekova. 2023. Cognition of ourselves through cognition of the culture of our ethnic group]. New Research of Tuva, no. 4, pp. 226–236. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>

Сведения об авторе:

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, начальник департамента филологии, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет. eLibrary SPIN-код: 2783-4200; ORCID: 0000-0001-9198-548X; E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Bio note:

Alfiya I. Smirnova is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. eLibrary SPIN-code: 2783-4200; ORCID: 0000-0001-9198-548X; E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru